

А. Н. ПЫПИН

Славянофильство

<фрагмент>

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД И ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА

В то самое время, когда Чаадаев пришел к крайнему скептицизму своих «Писем», в литературе подготовлялась новая точка зрения, которая отличалась столько же крайним, самоуверенным увлечением в совершенно противоположную сторону. Это было славянофильство.

До сих пор еще не пришло время для полной оценки этого направления: оно поныне продолжает свою роль в литературе и, вероятно, полагает, что еще не высказалось окончательно; его первые деятели отчасти действуют до сих пор; другие, которые сошли со сцены, еще не имеют настоящих биографий; собрания их сочинений только начаты. По нашей задаче, мы ограничимся только тою частью их деятельности, которая принадлежит выбранному нами периоду. Понятно, что эта часть не была наиболее характеристична. Славянофилы, как и остальная литература, не могли тогда высказывать своих мнений достаточно полно (как это больше удалось им впоследствии); но и тогда они успели выставить некоторые из главных своих положений, и резко выделились в литературе как особая школа. Нам приходится в этих началах их деятельности наблюдать задатки дальнейшего, более обширного развития их мнений; из их позднейшей деятельности мы заимствуем только немногие необходимые указания.

В последние годы, — по причинам, о которых мы упомянем дальше, — число приверженцев славянофильства стало больше, чем было прежде; составилась даже новая, особого рода школа, в славянофильском духе. Эти новые последователи,

хотя иногда значительно отступают от первоначальной школы, вообще однако придают великое значение начинателям славянофильства, считают, что их учение, все более будто бы овладевающее умами, стало целым умственным переворотом, вследствие которого русская мысль и общественное мнение получают наконец самобытность и народность. Славянофильство изображается как новый период, уничтожающий то подчинение Европе, которым так долго страдала наша образованность.

Известно, что это была мечта и самих славянофилов. При начале их деятельности им казалось, что они именно и призваны свергнуть европейское иго и выставить знамя русской самостоятельной мысли, найти истинно народные основы нашего общественного и умственного бытия и дать ему силу. Новейшие последователи думают, что они действительно это сделали, что основы найдены и что не признают их и спорят против них только люди, лишенные понимания, упорствующие в заблуждении, или даже дурные патриоты. Славянофилы относятся к этим людям обыкновенно с высокомерным пренебрежением, мелкие их приверженцы — с озлоблением, впрочем довольно безвредным*.

Славянофильство имело, конечно, свои заслуги в нашей литературе и общественных понятиях. Но эти заслуги были не так универсальны, и в них надо сделать немалые исключения против их собственных притязаний. Мы попробуем определить меру этих заслуг и меру недостатков славянофильства за описываемый нами период, впрочем только в общих чертах, не входя в подробности его истории.

Школа, известная впоследствии под этим именем, образовалась около второй половины тридцатых годов. Ее старейшими представителями были братья Киреевские (Иван Вас., 1806—1856, и Петр Вас., 1808—1856), Хомяков (1804—1860); к ним тесно примыкали более молодые: Дмитрий Валуев, умерший в 1845 г., Константин (1817—1860) и Иван Аксаковы, Ю. Ф. Самарин; далее, гг. Кошелев, Елагин, Новиков², Чижов и др. Этими именами школа держалась в сущности до последнего времени.

Казалось бы, что столь замечательное явление в истории нашей образованности, каким считают славянофильство, должно иметь свои antecedенты в предшествующем ходе русской общественной мысли, но до сих пор генеалогия славянофильского учения не была хорошенько определена ни его последователя-

* «Заря»¹ и т. п.

ми, ни противниками. Если видеть его сущность в приверженности к началам Древней Руси, во вражде к Петровской реформе, то очень длинный ряд предшественников его можно найти в течение всего XVIII века между людьми, у которых сохранялась или непосредственная память, или преданья о временах допетровских, — этот ряд можно было бы начать, пожалуй, от царевны Софьи и стрельцов, и даже считать в нем царевича Алексея; русскую партию при Анне и Елизавете; людей старого века при Екатерине, как князь Щербатов; далее, Шишкова и «Беседу»³. Как ни странны были бы многие из этих аналогий, они не были бы лишены известного основания, — потому что вражда к преобразованиям Петра и к «петербургскому периоду» не один раз высказывалась славянофилами с крайней нетерпимостью, и старина восхвалялась с самым решительным предпочтением. Прибавим, что теологическая сторона славянофильских понятий сближает эту школу еще больше с идеалами старых защитников допетровской России. Эта теологическая сторона, занимающая очень важное место в славянофильском учении, нередко вполне напоминает о религиозной исключительности и теологических притязаниях старой московской России. Древность вообще так драгоценна славянофилам, что сравнение их с противниками «новых обычаев» в XVIII веке делается естественным*.

Но с другой стороны нетрудно видеть, что это сравнение было бы неточно. При всем пристрастии к старине, славянофилы ставят вопрос гораздо сложнее и мудренее, чем консерваторы XVIII века, народные и литературные. Славянофильство — не простой инстинкт, но целое учение, действующее философскими доказательствами, владеющее средствами той новейшей образованности, на которую нападает во имя народной старины. Оно так отличается от консерваторов XVIII века и степенью образования и свойством многих своих общественных стремлений (где иногда идет рядом с лучшими представителями либе-

* Г. Ламанский⁴ указывает следующих начинателей и предшественников славянофильства. «В этот период видимого упадка внутренних народных сил, — говорит он, — в период, заключенный Крымской войною и парижским миром, возникла у нас так называемая школа славянофилов, имевшая впрочем высокодаровитых и замечательных предшественников в Ломоносове и Болтине, Карамзине (последнего периода) и Грибоедове, митр. Платоне и Голубинском, и в других наших духовных писателях» (День. 1865. № 50 и 51. С. 1200). Очевидно, что здесь отмежевано для славянофильства слишком много из истории русской литературы.

рализма), что сравнение прекращается, и в славянофильстве приходится признать явление иного порядка.

Оно отличается и от консерваторов более близкого времени — Александровского. Славянофилов нельзя серьезно сравнивать с Шишковым и его приверженцами, как это делал Белинский в разгаре полемики; они любят старину не таким наивно-грубым образом, и многое в их понятиях было бы для Шихова китайскою грамотой. Словом, источников славянофильства мы должны искать гораздо ближе: своими сочувствиями оно действительно связано с преданиями старого века и, постоянно твердя о них и занимаясь ими, успело даже усвоить многие непривлекательные стороны этих, собственно московских, преданий, но эта связь — чисто теоретически придуманная, и славянофильство по своему происхождению есть явление существенно новое, характер которого лежит в условиях русской образованности и общественной жизни в первые десятилетия нашего века. Его теоретическое содержание было развито по приемам и под указаниями европейской литературы, именно под влияниями романтизма и немецкой философии: в его основании была известная нравственно-общественная сила, были здоровые и естественные элементы, но столкнувшись в своем развитии с тяжелыми общественными условиями, эта сила не сохранила правильного направления и впала в одностороннюю крайность, с которой остается и до сих пор.

Известны рассказы автора «Былого и дум» о том, как в тридцатых и сороковых годах складывались в Москве две партии, вскоре овладевшие литературой; как шли тогда оживленные беседы и споры в кружках, где дружелюбно сходились люди, ставшие вскоре потом руководителями двух различных направлений в литературе и общественных понятиях.

Содержание этих споров вращалось на том, что было тогда господствующим интересом нового литературного поколения. Это была немецкая философия с тем всеобъемлющим значением, по которому она сосредоточивала в себе все вопросы общего отвлеченного мышления и все частные применения в предметах политической жизни, истории, литературы. К рассказам автора «Былого и дум» идут параллельно воспоминания г. Самарина:

«В то время, — говорит он, — общество московских ученых и литераторов распадалось на два кружка, так называемых западников и так называемых славянофилов. Первый, и многочисленнейший, группировался около новопривывших из-за границы профессоров Московского университета и представлял собою отражение, в малом размере, господствовавшей в то вре-

мя, в немецком ученом мире правой стороны Гегелевой школы. В другом кружке вырабатывалось мало-помалу воззрение православно-русское... Представителями его были Хомяков и Киреевские.

Оба кружка не соглашались почти ни в чем; тем не менее ежедневно сходились, жили между собою дружно и составляли как бы одно общество; они нуждались один в другом и притягивались взаимным сочувствием, основанным на единстве умственных интересов и на глубоком, обоюдном уважении. При тогдашних условиях, полемика печатная была немыслима и, как в эпоху предшествовавшую изобретению книгопечатания, ее заменяли последовательные и далеко не бесплодные словесные диспуты. Споры вертелись около следующих тем: возможен ли логический переход, без скачка или перерыва, от понятия чистого бытия, через понятие небытия, к понятию развития и бытия определенного, от *Seyn*, через *Nichts*, к *Werden* и к *Da-seyn*? Иными словами, что правит миром: свободно творящая воля, или закон необходимости?

Далее: как относится Православная Церковь к латинству и протестантству: как первобытная среда начального безразличия, из которой, путем дальнейшего развития и прогресса, вышли другие, высшие формы религиозного миросозерцания, или как вечно пребывающая и неповрежденная полнота Откровения, подчинившегося в западном мире латино-германским представлениям и вследствие этого раздвоившегося на противоположные полюсы? Наконец: в чем заключается разница между русским и западноевропейским просвещением, в одной ли степени развития или в самом характере просветительных начал? Предстоит ли русскому просвещению проникаться более и более не только внешними результатами, но и самыми началами западноевропейского просвещения или, вникнув глубже в свой собственный, православно-русский духовный быт, опознать в нем начала нового, будущего фазиса общечеловеческого просвещения?

...Невероятным покажется, что люди неглупые могли так долго жить и жить умственною жизнью, в области отвлеченного умозрения, повернувшись спиною к вопросам политическим. Между тем это несомненно...

О политических вопросах никто в то время не толковал и не думал. Это составляло одну из отличительных особенностей московского учено-литературного общества сороковых годов, которой не могли объяснить себе люди предшествовавшей

эпохи. Они прислушивались и в недоумении пожимали плечами» *.

Таким образом, той почвой, на которой развивались славянофильские идеи, была немецкая философия; из нее славянофилы заимствовали свою аргументацию, свои средства борьбы, и также постановку руководящих вопросов. К спорам о чистом и определенном бытии, решавшем общий вопрос об отношении знания и веры, непосредственно примыкали споры из области философии истории, о значении мира восточного и западного, об отношении православия к католицизму и протестантизму. Это были вопросы отвлеченные и универсальные. Если в то время не толковали и не думали о политических вопросах, то это было довольно естественно: не говоря о том, что прикосновение к чистой политике было в те времена очень не безопасно и для нее не было места в тогдашних правах, она исчезала или подразумевалась в тех всеобъемлющих вопросах, на которых сосредоточено было все внимание обеих сторон, частные вопросы разрешались сами собой, как скоро устанавливались общие положения. В конце концов, развитие мнений привело и к прямым политическим вопросам.

Вследствие того, что спорные пункты решались диспутами, по способу, употреблявшемуся до изобретения книгопечатания, славянофильское учение выработалось наконец (в первоначальном тесном кружке) до значительной выдержанности общих оснований и подробностей: когда оно выступило особым направлением в литературе, оно явилось в ней как готовый ряд воззрений, которым были довольно верны все члены школы. Это было уже довольно поздно, в половина сороковых годов, когда вслед за «Симбирским сборником» (наполненным историческими материалами), появились «Сборник» Валуева⁵ и «Московские сборники». Следить постепенное развитие славянофильства в печатной литературе поэтому довольно мудрено. Впрочем, еще до этого времени славянофильские писатели в печатной литературе примыкали нередко к людям, близкого с ними, но тем не менее особого направления в «Москвитянине». Это союзничество отразилось на их литературных отношениях: писатели «Москвитянина» не пользовались репутацией; противники славянофилов не всегда могли выделить их из писате-

* Ср. с этими воспоминаниями биографии Станкевича и Грановского, воспоминания г. Свербеева о Чаадаеве и Герцене (Русский архив. 1868. С. 976; 1870. С. 673), «Воспоминание студентства 1832—1835 гг.» К. Аксакова (День. 1862. № 39—40) и др.

лей этого журнала, тем больше, что сами славянофилы давали повод к этому смешению, — и когда печатная полемика наконец открылась, это повело к большему раздражению обеих сторон.

Кружок славянофилов тем удобнее мог согласовать свои идеи в одно учение, что это был немногочисленный тесный кружок, связанный дружескими и родственными отношениями. Их внешнее положение в литературе могло назваться более выгодным, чем положение их противников. Славянофилы, вообще люди довольно независимые (большей частью, довольно или очень богатые помещики, занимавшие место между верхними слоями среднего дворянства и настоящей аристократией), в литературе были малодетельны, выступали в ней более случайно, менее чувствовали неудобства журнальной деятельности, и могли больше сосредоточиться на выработке своего учения, — хотя, быть может, этому же надо приписать то обстоятельство, что в то время, как противоположное направление уже вскоре встретилось с практическими вопросами действительности, эта школа дольше оставалась дилетантской системой, которой удобно было витать в отвлеченностях, не особенно заботясь о практических выводах.

Дружеские отношения двух сторон, о которых мы упоминали, удержались ненадолго. Резкая противоположность мнений вызвала, наконец, личные заявления, в которых обнаружилась явная вражда. Если не ошибаемся, первый пример нетерпимости подан был славянофилами, в рукописном стихотворении Языкова против Чаадаева, недавно напечатанном в биографии последнего⁶. Языков, поэт славянофильства, принял такой тон, который выходил уже из пределов литературного спора, — это было чуть не обращение к «светской руке», и хотя отдельные лица обеих партий продолжали встречаться, но вообще мир был нарушен, и в литературе полемика уже с первых славянофильских изданий приняла характер недружелюбный и язвительный. К сожалению, славянофильство подавало к нему повод и другими обстоятельствами. Выше упомянуто было об его связях с деятелями «Москвитянина». Когда на страницах этого журнала появились имена Хомякова, Киреевского, известного тогда славянофильского псевдонима М... З... К...⁷, и проч., когда славянофильские теории являлись рядом с рассуждениями Погодина, Шевырева и проч., и между ними не раз можно было заметить большое согласие, противники славянофильства не могли не отнестись и к нему с тою же враждой, какую внушал им этот журнал, — представлявший весьма непривлекательный сбор казенных взглядов официальной народности.

Сами славянофилы держались при этом различно. Многие из них были люди с большим образованием, для которых самая встреча с противоположным образом мыслей была приятна, как случай для проверки и нового доказательства своих идей; из них Киреевский сам прежде принадлежал к тому лагерю, против которого он стал в новом повороте своих взглядов — и, быть может, поэтому он именно и отличался всего больше терпимостью мнений. Но, наконец, исключительность теорий обнаружила свои качества, и славянофильские полемисты поклялись в своих нападениях резкость, тем более неуместную, что спорить, в печати, против самых основами их теории, противники их не могли без некоторой опасности, или же не могли вовсе*.

* Противники знали друг друга довольно хорошо, и не останавливались перед личными намеками. Критик «Моск. сборника» и «Москвитянина», упомянутый М... З... К..., нападая на Белинского, попрекал его нетвердостью его мнений (вероятно, по старой памяти о статье Белинского: «Вородинская годовщина»⁸), и говорил таким образом: «Вовсе не чуждый эстетического чувства — чему доказательством служат особенно прежние статьи его, Белинский как будто пренебрегает им и, обладая собственным капиталом, постоянно живет в долг. С тех пор как он явился на поприще критики, он был всегда под влиянием чужой мысли. Несчастная восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отречься скоро и решительно от вчерашнего образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его в какой-то постоянной тревоге, которая обратилась наконец в нормальное состояние и помешала развитию его способностей» (Москвитянин. 1847. Ч. 2). Белинский отвечал «Москвитянину» в «Современнике» и, упоминая о разных мелких нападках первого, между прочим говорил: «...Но пока г. Белинский не видит никакой нужды горячо спорить за себя с такими противниками, или прибегать в споре к их средствам. Да и к чему? Публика и сама сумеет увидеть разницу между человеком, у которого литературная деятельность была призванием, страстью, который никогда не отделял своего убеждения от своих интересов, который, руководствуясь врожденным инстинктом истины, имел больше влияния на общественное мнение, чем многие из его действительно ученых противников, — и между каким-нибудь баричем, который изучал народ чрез своего камердинера, и думает, что любит его больше других, потому что сочинил или принял на веру готовую о нем мистическую теорию, который, между служебными и светскими обязанностями, занимается также и литературою, в качестве дилетанта... В наше время талант сам по себе не редкость; но он всегда был и будет редкостью в соединении с страстным убеждением, с страстно деятельностью, потому что только тогда он может быть действительно поле-

Славянофилы были притом преисполнены гордости своею системой, и противники их не могли простить им этих притязаний: — во-первых, эти высокомерные притязания далеко не были ими доказаны; во-вторых, оставалось невыяснено отношение славянофильства к авторитету, к официальной народности.

Мы упоминаем об этом положении славянофильства в литературе потому, что их последователи обыкновенно сваливают вину этих отношений на так называемую западную партию. На деле, это было не совсем так, и если на ком лежит вина того, что два направления — при всем стесненном положении литературы — не могли найти общего дела, то всего скорее эта вина лежит на самих славянофилах. При первом появлении, школа принимала высокомерный тон, прежде чем ее заслуги дали бы ей на то какое-нибудь право; она делала полемические вылазки против другого направления (с которым имела много общих врагов) там, где надо было говорить изложением своего взгляда и аргументами, и в то же время затрагивала такие мотивы, на которые невозможно было прямо отвечать: ее самодовольство и нетерпимость делали то, что, когда возражения не выслушивались и не опровергались, правильный спор становился невозможным. Наконец, увлекаясь проповедью о новых началах, мечтами о будущем падении западной цивилизации и торжестве восточной, школа забывала насущные потребности времени, когда против нее, так же как и против другого направления, стоял общий враг, круглое невежество и обскурантизм. Это последнее обстоятельство школа слишком часто забывала и потом, в наше время. Нам кажется вообще, что она отчасти по собственной вине сделала для развития общественного мнения меньше, чем могла бы сделать...

С другой стороны, славянофильство, хотя и очень близкое к господствовавшей официальной народности, не пользовалось благосклонностью высших сфер, которые если не осуждали основных его тенденций, то, кажется, думали, что оно идет в них слишком далеко, и берется не за свое дело, предпринимая истолкование истинных начал русской жизни. История этих тогдашних отношений славянофильства с властью еще не была рассказана, — но сколько известно, славянофилам приходилось испытывать личные неудобства своего образа мыслей. Правда,

зен обществу. Что касается до вопроса, сообразна ли с способностью страстного, глубокого убеждения способность изменять его, он давно решен для всех тех, кто любит истину больше себя и всегда готов пожертвовать своим самолюбием...» (Соч. Т. XI. С. 257).

неудобства не были чрезмерны, но тем не менее они существовали, и литературная деятельность славянофильства, в течение описываемого периода, не один раз терпела неприятные помехи. Первый последовательный славянофильский журнал явился только в 1856 году. Славянофилы и здесь не дали еще полного систематического свода своих мнений, но по крайней мере уже больше думали выяснить их с различных сторон, и между прочим печатали многое «из прежнего периода». К сожалению, опыт сороковых и пятидесятих годов не послужил им достаточно в пользу: они могли бы видеть, что многое в общественных условиях тяготеет одинаково над ними и их противниками, и могли бы несколько иначе взглянуть на потребности литературы... Впоследствии опыт повторился для них еще раз.

В первое время существования школы была еще несколько более понятна ее исключительность и нетерпимость; это могла быть известная гордость новой найденной мыслью, самоуверенность людей, убежденных в своем стремлении и готовых выполнять его в жизни. С такими чувствами действительно славянофилы впервые выступали на свое поприще: сознавая, что являются в литературу с новым содержанием, и одушевляемые мыслью служить народной идее, они могли преувеличить значение этого содержания, и потерять меру в выражениях. Но эта исключительность и потом является почти общей и постоянной чертой школы, и если отчасти она объясняется указанным сейчас увлечением, и также свойством тесного кружка, то существенной причины ее надо искать в характере самого учения.

Каким же образом составилось новое учение? Выше замечено, что его трудно непосредственно связать с каким-нибудь предшествующим направлением: в прежней литературе не было учения с такими резко определенными чертами. Напротив, источника его должно в особенности искать в новейшем умственном движении. Основатели славянофильства были образованные люди двадцатых и тридцатых годов, — они начинали с того движения, которое действовало в двадцатых годах, и затем довоспитались на немецкой философии: из нее они брали способ рассуждения и по ней составили теоретические положения своей системы. В *этом* отношении славянофилы не отличались от своих противников, и так же мало, как те, могли похвалиться народной оригинальностью, на которой настаивали. Их философия стремится к тому, чтобы открыть истинно народные начала русской жизни, развить их и дать им место и в нашем образовании и в практическом быту. Но они очень ошибались, когда думали, что эта идея народа пришла к ним не иначе, как

только от самого народа, что они являются выразителями его истинного духа и его стремлений в дальнейшем развитии. Нет сомнения, конечно, что патриотическая любовь к своему народу горячо одушевляла славянофилов, — как одушевляла и всех лучших людей литературы, — и они действительно обращались к народу, к его истории и современному быту, — но их отношение к народу не было простое, свободное, а в значительной степени теоретическое и искусственное. Здесь славянофилы были именно людьми своего времени, и их отношение к народу было главным образом *философски-романтическое*. В свойствах славянофильского учения действительно находятся существенные признаки романтического происхождения. При его начале было столько же поэтического увлечения, сколько теоретических оснований, или даже больше, — и несколько фантастический колорит постоянно отличал славянофильскую теорию. Основную романтическую черту представляет у славянофилов стремление к давнему прошедшему; народ, к которому они стремились, был не столько настоящий нынешний народ, — которому они, конечно, желали добра, — сколько народ идеальный, и именно прошедший, потому что этот прошедший народ всего удобнее можно было изобразить представителем тех начал, которые они ставили краеугольным камнем своей системы. Прошедшее было их идеалом; они должны были делать неизбежную уступку истории и делали оговорки о недостатках старины, но на деле она поставляла им главнейший запас образцов; только она и казалась им истинным выражением русского народного духа. Их новейшая философия была желанием возвеличить московский быт допетровского времени и возвести его на степень нового принципа цивилизации. Этот московский быт они считали чистым, без всякой примеси, русским (они забывали только византийские и татарские примеси), и из любви к нему враждебно относились к петровской реформе и так называемому петербургскому периоду.

Мы говорили прежде о том, как в эти десятилетия и в нашей жизни отразилось то европейское движение, которое, с одной стороны, производило феодальные реставрации, с другой — действовало в пользу народов и сопровождалось возрождением национальностей; как возникла у нас официальная народность, органами которой стали, между прочим, и некоторые из лучших наших писателей. Новая школа шла дальше; она не довольствовалась изображениями старины в простодушно-идиллическом и блогочестиво-рыцарском духе; не довольствовалась славой, победами, грозой врагам. Под новым научным и литературным

влиянием, особенно под влиянием новейшей философии истории, стали теперь искать национального принципа, народных особенностей и предназначений, отыскивать роль народа в судьбах человечества и т. д. Романтический патриотизм находил себе удовлетворение в представлении о нравственном величии народа, о глубине его духа, о великом его предназначении для общечеловеческого развития: все это облеклось теперь в форму философско-исторической теории, в которой несомненно обнаруживается присутствие романтизма. Новая школа и в чисто литературном смысле тесно примыкала к прежним романтикам. Старейшие из славянофилов воспитались в самый разгар европейского романтизма и его русских повторений. Пушкин уже затронул панславистскую тему, которая потом обильно повторялась славянофилами. Первые заявления школы также были поэтические — в стихотворениях Хомякова, Языкова, — поэтов пушкинской школы, к которым после присоединяются К. и Ив. Аксаковы. В очень ранних стихотворениях Хомякова обнаруживается зарождавшаяся и бродившая тенденция.

Положение русского общества в двадцатых и тридцатых годах особенно содействовало этому порыву романтического патриотизма. Это было время, когда сухой формализм официальной народности насильственно подводил под свою мерку все движения общественной мысли и чувства, и гнетущим образом действовал на все живые умы, в которых была потребность самостоятельной работы и свободного убеждения. Перед тем только совершилась трагическая судьба предыдущего поколения... Но в обществе не потерялась потребность идеала; настоящее не удовлетворяло; прямая практическая деятельность, в смысле пробудившихся общественных стремлений, была невозможна, — и оттого весь умственный труд лучших людей нового поколения пошел на искание общих принципов, на создание отвлеченного идеала. Движение пошло по двум направлениям. Оба не удовлетворялись настоящим, но одно относилось к нему прямо отрицательным образом, и видя его недостатки, — бессознательность и бессилие общества, невежество народа, — ожидало спасения от большого распространения образованности, от усвоения европейского знания. Другое направление также искало лучшего, но от настоящего оно бросилось к прошедшему. В прошедшем — которое так удобно отдалено от нас — оно не видело этого мучительного разлада, напротив, видело полное единство власти, общества и народа, господство одних крепких преданий, верований и обычаев, — и на этом остановилось. Это направление хотело служить народу через самый народ: евро-

пейское образование, принятое нами после Петра, принятое на веру, было фальшивое, потому что не соответствовало характеру народа; отделенный реформой от высшего класса, народ верно сохранил настоящую национальную дорогу, по которой шла отверженная высшими классами старина; следовательно, надо было оставить их судьбе высшие классы, или стараться обратить их, и изучать этот народ, чтобы в его быте найти средства исцеления.

Это было последнее направление славянофильское. Понятно, что могло быть много увлекательного в этой мысли служения народу, в стремлении слиться в одну жизнь с ним, изучить таинственные пружины его бытия, создавшие его удивительную историю и сохранившие его целым, среди стольких падавших и падающих на него бедствий. Эта мысль могла казаться гораздо более энергичической, чем «рабское» следование за Европой, чем повторение той чуждой образованности, которая оторвала нас от народа, не принеся ни пользы ни нам, ни народу: в этой мысли был смелый вызов укоренившемуся заблуждению (по мнению славянофилов) и надежда стать основателями нового периода в национальном сознании. Но с противной стороны могло казаться, что этот путь, хотя оригинальный и великодушный, был не особенно смелый, и очень ошибочный: могло казаться, что это направление или не додумало своих выводов, или боится взглянуть прямо в глаза действительности и открыто признать ее истинные недостатки; что восхваляя старину, оно попадает в то же безысходное положение, которое уже стоило национальной жизни одного переворота; что в конце концов это направление, не довольствуясь настоящим, создает идеалы, которые ничем не лучше этого настоящего и могут служить только к большему его утверждению.

Действительно, славянофильский идеал иногда был так двусмыслен в этом отношении, что в них видели иногда просто союзников обскурантизма...

Нет сомнения, что в славянофильстве было теплое отношение к народу, о котором забыли и общество и официальная народность; и это была лучшая, наиболее сочувственная сторона славянофильства. К сожалению, во взглядах славянофилов была и до сих пор есть неясность, вследствие которой их сочувствие к народу принесло в литературе меньше пользы, чем они предполагают; их исключительная теория не всегда разбирала, где враги народа и где его друзья.

Переходя к обозрению славянофильских мнений и их значения в истории общественных понятий, мы ограничимся только общими чертами их и, избегая подробностей, предоставим читателю обращаться за ними к самым сочинениям.

Общая связь славянофильского учения была приблизительно-но следующая.

Русская жизнь стоит в настоящую минуту в ложном положении. Петровская реформа нарушила естественный ход старой русской жизни; заимствование чужой европейской цивилизации внесло разлад, вследствие которого высшие классы отделились от народа. Заимствованная цивилизация, отдалив образованные классы от народа, сделала их бесполезными для национального развития, — даже вредными, потому что их образование взято с оригинала, который не только чужд русскому народному духу, но сам находится на ложной дороге и близок к упадку. Для спасения русского развития должно уничтожить этот разлад и это подчинение чужой цивилизации, — для этого следует возвратиться к старому единству, к тем принципам, которыми развивалась русская жизнь до Петра и на которых она выработала свою крепкую, истинно народную особенность. Народ, заброшенный и загнанный в течение «петербургского периода», сохранил верно предания старины в своем быте, в своих верованиях и общественных инстинктах: поэтому, следует обратиться к нему, чтобы найти нужные нам элементы развития. Думать о том, чтобы поднять народ до нашего образования, странно и даже смешно, потому что его внутреннее содержание гораздо выше нашей прививной и внешней образованности.

Русский народ принадлежит к одному из двух миров, на которые делится европейская образованность, и в настоящее время главный его представитель. Эти два мира — восточный греко-славянский и западный. Между ними лежит глубокое и коренное различие. Образованность западная составилась из трех элементов: Римской церкви, древней римской образованности и завоевания, определившего бытовые формы Запада. Христианство в западном и восточном мире получило весьма различный характер. В Римской церкви, с тех пор, как она отделилась от общения с Церковью вселенской, христианство извратилось вследствие элемента внешней рассудочности, с которым Римская церковь определяла и свое учение, и свое устройство, и затем вследствие происшедшего отсюда папского авторитета, который стал выше Церкви. Протестантство было естественным результатом этого характера Церкви, когда она поставила логический разум выше сознания вселенской Церкви, а затем

совершенно последовательно развились все его секты и направления; из реформации, заявившей право частного суждения, столь же естественно выросло учение Штрауса. На той же сухой рассудочности выросла и вся образованность и литература Западной Европы: ее философское мышление есть бесконечная борьба и смена логических отвлечений, которая в конце концов производила «общую слепоту к тем живым убеждениям, которые лежат выше сферы рассудка и логики». Государственная жизнь Европы была основана завоеванием, насилием, и отсюда все дальнейшее ее движение совершалось также рядом насилилий, борьбой партий, переворотами.

Совсем иной порядок вещей является в восточном греко-славянском православном мире, главным представителем которого является теперь русский народ. Восточное христианство есть православие, отличительная черта которого есть неизменное хранение вселенского предания. Православие есть поэтому единственное истинное христианство; его учения — те учения, которые собраны и утверждены соборами вселенской Церкви, сознанием целого христианства. Духовная философия восточных отцов Церкви — особенно писавших после разделения Церквей — есть истинная христианская философия, основанная не на рассудочном механизме, а на высшем нравственно-свободном умозрении: эти философы, «держась постоянно в самом, так сказать, средоточии истинного убеждения, отсюда яснее могли видеть и законы ума человеческого и путь, ведущий его к истинному знанию». Русский народ принял христианство из этого чистого источника, и через него получил и результаты древней образованности, не в той односторонней и неполной римской форме, в какой они наследованы были Западом, а получил их прямо с Востока, где они уже прошли через христианское учение, были им очищены и исправлены. Византийские писатели издавна были известны Русской Церкви, и стали основанием древнерусской образованности, которая, без сомнения, уступала западной во внешнем развитии разума, но превышала ее глубоким чувством живой христианской истины. В государственном устройстве такая же разница: начало русского государства отличается от начала государств западных тем, что у нас не было завоевания, а было добровольное призвание. Этот основной факт отражается и на всем дальнейшем развитии общественных отношений: у нас не было насилия, соединенного с завоеванием, а потому не было феодализма, не было той внутренней борьбы, которая постоянно делила западное общество, не было сословий; земля была не личной собственностью феодаль-

ной аристократии, но принадлежала общине; наша Церковь не враждовала с светской властью и не стремилась к светскому господству, и т. д. Весь быт, вся образованность Древней Руси носят на себе печать восточного православия и мирного основания государства: развитие шло естественно, религиозное сознание было основной нравственной силой и руководством в жизни; народный быт отличался единством понятий и единством нравов. Государство было обширной общиной, власть принадлежала царю, представлявшему общую волю, — тесная связь общины выражалась соборами, всенародным представительством, сменившим древние веча.

Великая ошибка и вред Петровской реформы состояли именно в том, что Петр отверг народные начала русского развития и, поставив русское образование на путь подражания Европе, налагал на восточный мир чуждые ему принципы мира западного. Реформа была насильственна и, как насилие, принесла ложные плоды: народное единство было разорвано; государственная жизнь стала совершаться вне участия народного сознания, развивалась внешним образом, но падала во внутреннем живом смысле: образование высших классов отрывало их от народа; Церковь впадала в сухой формализм; народ, покинутый, остался один верен старым основным началам, но впал в невежество, разбился на секты и т. д.

Для того, чтобы жизнь снова пошла своим естественным ходом, сообразным со всем исконным характером греко-славянского православия, нужно возвратиться к началам Древней Руси. Нет надобности отвергать все, что было нами приобретено от Запада; потому что многое, или иное, из этих приобретений было полезно, так как они «дозволили нам овладеть современными приемами диалектического познания и обогатиться громадную опытностью Запада». Но необходимо отвергнуть самый принцип западной образованности, — и притом не только потому, что он нам не свойствен, но и потому, что он оказывается несостоятельным и на самой своей родине.

Начала западной образованности были ложны, потому что отвергли общее сознание вселенской Церкви. Дальнейшая образованность, развившаяся из этих начал, в конце концов должна была оказаться ложною. Она приобрела большую рассудочную силу, произвела множество полезных открытий, увеличила внешние удобства жизни, но страдает в самом корне тем внутренним разладом, который происходит от разъединения разума и веры. Современная (в сороковых годах) европейская образованность явным образом выказывает несостоятельность своих принципов, ищет во всевозможных философских теориях и религиоз-

ных сектах исхода из этого положения, и — в лучших умах — начинает постигать необходимость того принципа, который всегда хранился в образованности восточной. Таким образом, для нас становится тем настоятельнее необходимость возвращения к этому принципу: она подтверждается сознанием самого Запада, к которому пришел он после многовекового опыта.

Зрелище, которое нам представляется в нашей современной жизни так называемым образованным обществом, чрезвычайно печально. Это общество не принадлежит своему народу; оно рабски принимает чужие понятия, чужие обычаи, даже чужой язык; оно увлекается всем западным, как бы оно ни было странно и даже нелепо; оно относится с пренебрежением к народу, точно к низшему племени, хотя живет трудами этого народа. Для того, чтобы устранить это прискорбное положение общества, чтобы восстановить утраченное единство с народом, дать жизни истинное направление, осуществить вполне наше национальное предназначение и занять подобающее нам высокое, независимое и господствующее место в цивилизации, надо обратиться к народу, изучать его историю, предания, нравы и обычаи, слиться с этим народом в одном сознании: общество должно перевоспитаться, воспринять в себя снова затерянные им народные начала.

В таком приблизительно смысле говорила школа в конце тридцатых и в сороковых годах. К нашему времени некоторые из этих положений значительно выяснились, дошли до полной осязательности, до прямого практического требования — во многих случаях не в пользу школы. Эта позднейшая редакция славянофильских положений не относится, впрочем, к нашей задаче.

Понятно, что эти мысли не всеми высказывались одинаково, и мы старались привести их по возможности в среднем выводе, не внося крайностей отдельных мнений. Один из последователей школы были более, другие — менее осторожны; одни сохраняли философское спокойствие, другие впадали в раздражение, в нетерпимость. Одни заботились о доказательствах, другие сочли дело уже решенным и думали только об уничтожении литературных противников, которые не только не убеждались доводами славянофильства, но даже в его теории и практике находили и нечто довольно смешное*.

* Более резкое изложение этой теории, как она высказывалась откровенно в устных беседах и спорах, читатель может найти в биографии Чаадаева, составленной Жихаревым. Оно может объяснить, между прочим, почему журнальная полемика двух партий приняла в те времена такой враждебный характер.

Славянофильское учение не было ни разу изложено цельным образом, но основная его тема в различных ее отраслях была развиваема писателями школы довольно согласно. Чувствовалось, что это были люди, которые сговорились и согласились в главных положениях и разрабатывали каждый какую-либо сторону учения в духе этих положений. Сходство общей романтически-православной тенденции и самое положение их в литературе делали для них очень удобным это соглашение. Выше замечено, что основатели славянофильства были вообще люди довольно независимые, действовавшие в литературе сначала чистыми дилетантами, имевшие возможность работать не торопясь, развить на досуге свою систему, делиться взглядами, — прежде чем внести их в печать. Многие из их работ оставались известны только здесь, в своем кругу и даже приобретали своего рода славу еще не выходя в литературу (напр<имер>, исторические занятия Петра Киреевского и его собрание народных песен; трактат Хомякова о всеобщей истории, откуда были напечатаны пока только отрывки; некоторые статьи К. Аксакова). <...>

